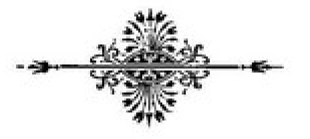
Е. Т. Ивановъ.

Къ біографіи В. Н. Каразина.

(Высылка его изъ Москвы въ Кручикъ и подневольное пребываніе на родинѣ).

1831—1837 гг.

(Изъ XVIII т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, изданнаго въ честь профессора Н. Ф. Сумцова).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло", Клочковская ул., д. № 5.
1909.

Къ біографіи В. Н. Каразина.

(Высылка его изъ Москвы въ Кручикъ и подневольное пребываніе на родинѣ).

(1831—1837 г.г.)

При разборкѣ дѣлъ, поступившихъ въ Харьковскій историческій архивъ изъ архива Харьковскаго губернскаго правленія, намъ удалось найти два дѣла канцеляріи Харьковскаго губернатора о В. Н. Каразинѣ. Одно изъ нихъ (1835 года) носитъ заголовокъ: «По письму статскаго совѣтника Каразина о дозволеніи ему переѣхать въ имѣніе его, въ Московской губерніи состоящее, и жить въ самомъ городѣ Москвѣ»; другое (1837 года) подъ заглавіемъ: «По письму статскаго совѣтника Каразина объ отпечатаніи статей сочиненія его въ журналахъ». Первое дѣло содержитъ нѣкоторыя данныя о В. Н. Каразинѣ и болѣе ранняго времени (напр., о высылкѣ его изъ Москвы и др.), а также данныя, относящіяся къ 1836 году. Оба дѣла касаются мало извѣстнаго періода жизни В. Н. Каразина—его подневольнаго пребыванія на своей родинѣ послѣ высылки изъ Москвы. Новыя данныя, почерпнутыя нами изъ этихъ дѣлъ, въ связи съ нѣкоторыми печатными данными, и послужили матеріаломъ для настоящей замѣтки.

Въ ноябрѣ 1831 года, послѣ извѣстнаго столкновенія В. Н. Каразина съ шефомъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфомъ[1]), по Высочайшей волѣ Императора Николая I, Василій Назаровичъ былъ высланъ изъ Москвы въ Богодуховскій уѣздъ Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи, въ сопровожденіи жандармскаго офицера, для содержанія на мѣстѣ жительства «подъ строгимъ присмотромъ». Слободско-Украинскій губернаторъ былъ увѣдомленъ объ этомъ особой бумагой А. Х. Бенкендорфа, «а самый Каразинъ», по выраженію оффиціальнаго документа,

[1]) См. статью Н. Дубровина «Графъ А. Х. Бенкедорфъ и В. Н. Каразинъ» (Русская Стар. 1903 г., апрѣль).

«прислан вслѣдъ за тѣмъ при отношеніи Московскаго военнаго генералъ-губернатора» [1]). Въ декабрѣ того же года В. Н. Каразинъ былъ водворенъ въ своемъ имѣніи, а Богодуховскому земскому исправнику было отдано губернаторомъ Каховскимъ предписаніе «имѣть о невыѣздѣ Каразина надзоръ и о нахожденіи его, равно и о поступкахъ доносить по секрету каждую недѣлю» [2]).

Высылка В. Н. Каразина изъ Москвы была тяжелымъ ударомъ для него и для его семьи. По свидѣтельству его сына Филадельфа Васильевича, «на пребываніи В. Н. въ Москвѣ была основана вся надежда на поправленіе растроеннаго скуднаго достоянія» Каразиныхъ [3]). Ни хлопоты Филадѣльфа Васильевича у Бенкендорфа и просьба его о заступничествѣ, ни собственное письмо Василія Назаровича къ государю съ просьбою о помилованіи не привели ни къ чему: возвращеніе въ Москву было рѣшительно воспрещено.

Между тѣмъ матеріальное положеніе В. Н. Каразина и его семьи было въ это время по истинѣ тяжелое. Хозяйственныя дѣла его уже давно пошатнулись, благодаря громаднымъ долгамъ. Еще въ 1804 году долговъ у Василія Назаровича было свыше 40,000 рублей, а долги съ теченіемъ времени увеличивались. Въ 1823 г. часть Кручанскаго имѣнія была взята за долги подъ казенный присмотръ; въ томъ же году гр. Подгоричани-Петровичъ, съ которымъ у В. Н. было болѣе всего тяжебныхъ дѣлъ, искалъ съ Каразина 30,000 р., а въ слѣдующемъ году земскій судъ ввелъ Подгоричани во владѣніе большей половины села Кручика. Въ 1825 г. Подгоричани взыскивалъ съ Каразина въ общей сложности 34,331 руб. [4]). Были и другіе кредиторы, которыхъ нужно было удовлетворить. Въ началѣ 1833 года, т. е. въ описываемое нами время, В. Н. Каразинъ не могъ срочно уплатить графу Подгоричани 2,384 руб., и его собирались объявить несостоятельнымъ должникомъ; это непремѣнно и случилось бы, если бы ему не пришло на помощь Харьковское общество. Первымъ пришелъ на помощь университетъ, который въ лицѣ своихъ профессоровъ и преподавателей, «движимыхъ сердечной благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія университета», собралъ и внесъ въ уплату долга 1280 руб. Черезъ нѣсколько дней была внесена и остальная сумма: Харьковскій городской

[1]) Дѣло канц. Харьков. губернатора 1835 г.
[2]) Ibidem, л. 12.
[3]) Н. Тихій. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Стр. 262.
[4]) Ibid. стр. 264—5. Довольно обширный матеріалъ о тяжебныхъ дѣлахъ В. Н. Каразина находится въ рукописяхъ Г. С. Чирикова (Харьк. Истор. Архивъ. Бумаги мѣстныхъ дѣятелей).

голова препроводилъ председателю гражданской палаты 1200 р. и просилъ принять въ уплату долга Василія Назаровича „сей малый знакъ истинной признательности“ Харьковскихъ гражданъ, «кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина о учрежденіи въ г. Харьковѣ университета“. Нечего и говорить, что эта матеріальная поддержка, а еще болѣе сопровождавшее ее признаніе заслугъ В. Н. Каразина вызвали у него чувство радости и глубокаго нравственнаго удовлетворенія.

Но эта помощь и сочувствіе Харьковскаго университета и общества были единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на общемъ мрачномъ фонѣ жизни Василія Назаровича въ то время. Помимо тяжелаго матеріальнаго положенія, цѣлаго ряда непріятныхъ тяжебныхъ дѣлъ, которымъ и конца не было видно, В. Н. Каразину пришлось пережить рядъ другихъ огорченій. Какъ видно изъ найденныхъ нами бумагъ, въ началѣ 1833 года или нѣсколько раньше В. Н. послалъ письмо или какую-то докладную записку Императору Николаю I. Какова по содержанію была эта записка или письмо, намъ неизвѣстно; но результатъ отправленія ея былъ самый плачевный: 4 апрѣля 1833 года министръ внутреннихъ дѣлъ въ предписаніи на имя Харьковскаго губернатора сообщилъ «для надлежащаго исполненія Высочайше утвержденное положеніе Комитета министровъ, послѣдовавшее по случаю присылки имъ Каразинымъ на Высочайшее имя дерзкихъ и нелѣпыхъ бумагъ, коимъ (положеніемъ) между прочимъ велѣно было поручить Каразина непосредственному надзору гражданскаго губернатора, воспретивъ подавать впредь какія бы то ни было прошенія и бумаги, не къ обыкновенному судопроизводству принадлежащія, иначе какъ чрезъ губернатора» [1]). На основаніи этого предписанія «за поступками Каразина былъ учиненъ строгій секретный присмотръ со стороны мѣстной полиціи и губернатора».

Любопытно, что въ скоромъ времени этимъ распоряженіемъ высшей власти, сдѣланнымъ, разумѣется, съ тою цѣлью, чтобы бумаги В. Н., не соотвѣтствовавшія духу времени и видамъ правительства, не шли далѣе губернатора, пришлось воспользоваться и самому губернатору для огражденія себя отъ непрошенныхъ совѣтовъ и указаній Каразина. О столкновеніи В. Н. съ тогдашнимъ Харьковскимъ губернаторомъ кн. Н. И. Трубецкимъ уже разсказано Д. И. Миллеромъ въ его статьѣ: «В. Н. Каразинъ и кн. Н. И. Трубецкой» [2]); но мы считаемъ не лишнимъ вспомнить этотъ

[1]) Дѣло канцел. губерн. 1835 г. Въ дѣлѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ подлиннаго предписанія министра вн. дѣлъ; извѣстіе объ этомъ предписаніи и о состоявшемся положеніи комитета министровъ, а также выдержки изъ него находятся въ черновомъ отношеніи губернатора въ министерство 1835 г.

[2]) Истор. Вѣстн. 1900 г., іюнь, стр. 887—9.

эпизодъ, чтобы отмѣтить, какъ безцеремонно истолковалъ губернаторъ Каховскій упомянутое положеніе комитета министровъ и какъ воспользовался имъ кн. Трубецкой для излишняго стѣсненія В. Н. Каразина. Въ 1834 г. В. Н. задумалъ издавать рукописный журналъ «Гражданинъ вѣрноподаный». Во 2 номерѣ журнала онъ коснулся управленія мѣстной губерніей и этотъ номеръ послалъ губернатору. Результатъ получился весьма печальный: попытка подвергнуть критикѣ дѣйствія мѣстной власти въ *рукописномъ* журналѣ встрѣтила самый энергичный отпоръ со стороны губернатора, какъ видно изъ его предписанія, послѣдовавшаго 29 марта 1834 г. на имя Богодуховскаго исправника Мерапди. «Помѣщикъ Богодуховскаго уѣзда с.с. Каразинъ, писалъ губернаторъ, черезъ почту прислалъ ко мнѣ второй № журнала, который онъ ведетъ письменно подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» и въ которомъ, вопреки истребованной отъ него, Каразина, подпискѣ, по распоряженію правительства отъ него отобранной, въ томъ, чтобы ему отнюдь не дозволять себѣ входить къ мѣстному начальству съ бумагами особаго содержанія, кромѣ только по собственнымъ дѣламъ, онъ предоставляетъ себѣ въ неприличныхъ выраженіяхъ дѣлать замѣчанія о моихъ распоряженіяхъ по управленію высочайше ввѣренной мнѣ губерніи. Къ прекращенію на будущее время таковыхъ дѣйствій со стороны г. Каразина, объявить ему, чтобы впредь не осмѣливался доставлять ко мнѣ журналовъ или писемъ, подобныхъ вышеозначенному, для чтенія которыхъ, при исполненіи моей обязанности, не могу и не желаю безполезно терять время, при чемъ обязываетесь предупредить г. Каразина, что если и за силою вышеупомянутой данной имъ подписки онъ вновь станетъ утруждать меня бумагами подобными последне присланному имъ журналу, упустивъ въ семъ случаѣ и требуемое отъ него уваженіе ко мнѣ въ моемъ званіи начальника губерніи, то я не премину представить высшему начальству о поступленіи за сіе съ нимъ, какъ съ ослушникомъ законной власти, по всей строгости существующихъ постановленій»[1]). Сравнивая это предписаніе съ приведеннымъ нами Высочайше одобреннымъ положеніемъ комитета министровъ, мы ясно видимъ, что отъ В. Н. Каразина была отобрана подписка, не соотвѣтствовавшая истинному смыслу положенія комитета министровъ: въ то время какъ «положеніемъ» только «воспрещалось Каразину подавать впредь какія бы то ни было прошенія и бумаги, не къ обыкновенному судопроизводству принадлежащія, иначе, какъ чрезъ губернатора», въ предписаніи губернатора сообщается объ отобраніи отъ Каразина подписки «въ томъ, чтобы ему *отнюдь не дозволять себѣ входить* къ

[1]) Историч. Вѣстн. 1900 г., іюнь, стр. 888.

мѣстному начальству съ бумагами особаго содержанія, кромѣ только по его собственнымъ дѣламъ». Дѣло съ губернаторомъ окончилось тѣмъ, что отъ Василія Назаровича была отобрана вторичная подписка, имѣвшая цѣлью лишить его возможности вмѣшиваться хотя сколько нибудь въ общественныя дѣла; для него была оставлена лишь узенькая полоска его личныхъ дѣлъ (тяжебныхъ), которыя шли все хуже и хуже, пока не привели къ полному разоренію Каразина.

Этимъ, однако, не окончилось злоключенія В. Н. Каразина во время ссылки въ Харьков. губ. Как видно изъ найденнаго нами дѣла, въ февралѣ 1834 года, т. е. почти въ то время, когда разыгралась исторія съ злополучнымъ № «Гражданина вѣрноподданнаго», Василій Назаровичъ обратился къ губернатору Трубецкому съ просьбой о разрѣшеніи выѣхать изъ Харьковской губерніи. На просьбу послѣдовалъ отказъ. 15 февраля 1835 года, ожидая полной ликвидаціи своихъ дѣлъ, а именно продажи остатковъ имѣнія съ торговъ, В. Н. обратился къ губернатору съ новой просьбой — объ исходатайствованіи ему разрѣшенія выѣхать въ Московскую губ., въ имѣніе его жены, находившееся въ Звенигородскомъ уѣздѣ, а также жить иногда въ Москвѣ, гдѣ у него былъ свой домикъ. [1]) Губернаторъ положилъ на прошеніе такую резолюцію: «Испросить разрѣшеніе у Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ присовокупленіемъ, что онъ (губернаторъ) за долгъ поставилъ себѣ оное (прошеніе) предать на благоуваженіе Высшаго Начальства, поелику Каразинъ находится подъ надзоромъ секретнымъ полиціи». Вслѣдствіе представленія губернатора Министру Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдній въ скоромъ времени (7 іюня 1835 г.) сообщилъ, что «Государь Императоръ изволилъ изъявить Высочайшее свое согласіе на дозволеніе Каразину жить въ его имѣніи въ Московской губерніи, но съ тѣмъ, чтобы онъ никуда не отлучался и чтобы

[1]) Вотъ это прошеніе: „Милостивый Государь" Князь Петръ Ивановичъ! Изъ отвѣта Вашего Сіятельства отъ 24 февраля прошедшаго года за № 3401 на мое прошеніе отъ 16 того мѣсяца мнѣ должно заключать, что есть какія либо препятствія свыше о выѣздѣ моемъ изъ ввѣренной Вамъ губерніи. Но какъ уже предстоитъ окончаніе моихъ несчастныхъ дѣлъ, то есть продажа остатковъ моего имѣнія съ предварительнымъ еще взятіемъ ихъ въ опеку, то мнѣ съ моимъ семействомъ ничего другого не остается дѣлать, какъ переселится въ небольшое имѣніе жены и дѣтей моихъ состоящее Московской губерніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ. О чемъ заблаговременно помышляя, представляю Вашему Сіятельству и покорнѣйше прошу, испросивъ мнѣ разрѣшеніе на сей случай, меня объ ономъ увѣдомить: дабы мы съ женою могли принять свои домашнія мѣры также заблаговременно. Донесу Вамъ, что мы имѣемъ домикъ и въ самой Москвѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ зимнее время, для пользы дѣтей предполагаемъ жить. И о семъ обстоятельствѣ донесть благоволите! Имѣю честь быть съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Василій Каразинъ. Февраля 15 1835 г. Богодухов. уѣздъ село Кручикъ". (Дѣло Харьков. губерн. 1835 г., л. 2). Прошеніе было послано «по секрету», что видно изъ собственноручной надписи В. Н. Каразина на прошеніи.

за нимъ учрежденъ былъ строгій надзоръ». Такимъ образомъ просьба В. Н. была удовлетворена только наполовину: разрѣшенія жить иногда въ Москвѣ онъ все же не получилъ [1]). Кромѣ того, этимъ разрѣшеніемъ былъ нанесенъ новый ударъ его самолюбію: и въ Московской губ. онъ долженъ былъ остаться такимъ же поднадзорнымъ, какъ и въ Харьковской. Но этого мало: разрѣшеніе жить въ Московской губ., по точному смыслу бумаги М. В. Д., должно было быть приведено «къ немедленному исполненію», и это обстоятельство создало Василію Назаровичу новый рядъ затрудненій и непріятностей.

По резолюціи Харьковскаго губернатора, Каразину было сообщено чрезъ Богодуховскій земскій судъ о Высочайшей волѣ и предписано сообщить о времени его выѣзда въ Московскую губ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ предупрежденъ и Московскій генералъ-губернаторъ о предстоящемъ прибытіи поднадзорнаго В. Н. Каразина. Такой оборотъ дѣла былъ полной неожиданностью для В. Н., какъ видно изъ его письменнаго объясненія въ Богодуховскій земскій судъ, препровожденнаго послѣднимъ Харьковскому губернатору. Вотъ это объясненіе:

«Справедливо, что я отъ 15-го февраля сего года относился *по секрету* [2]) къ Его Сіятельству Господину Гражданскому Губернатору (заключая по выраженіямъ одного изъ писемъ Его, что въ случаѣ переѣзда моего въ Москву слѣдуетъ предварительно донести объ этомъ Августѣйшему Государю Императору) о намѣреніи моемъ по окончаніи здѣшнихъ моихъ тяжебныхъ дѣлъ удалиться въ ту столицу и ея Губернію; но чтобы я *немедленно* желалъ выѣхать, этого я не писалъ. Напротивъ, употребивъ выраженіе «*завременно помышляя*» я просилъ только Его Сіятель-

---

[1]) Любопытно сравнить приведенную нами бумагу министра внутреннихъ дѣлъ (она въ *подлинникѣ* находится въ дѣлѣ канц. губ. 1835 г.) съ данными, напечатанными Н. Дубровинымъ въ его статьѣ: «Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ (Рус. Стар. 1903 г., апр., стр. 24). Въ то время какъ точный смыслъ бумаги министра не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что Каразинъ получилъ разрѣшеніе жить только въ его Московскомъ имѣніи,—на основаніи данныхъ въ статьѣ г. Н. Дубровина можно думать, что въ дѣйствительности Василію Назаровичу было Высочайше разрѣшено жить и въ Москвѣ. «На всеподданѣйшемъ докладѣ графа Бенкендорфа» о ходатайствѣ Каразина, сообщаетъ Дубровинъ, «Императоръ 2 іюня написалъ: «Согласенъ, но подъ строгимъ надзоромъ, чтобы никуда не отлучался». А Каразинъ, какъ мы видѣли, хлопоталъ о разрѣшеніи жить не только въ Московскомъ имѣніи, но по временамъ и въ самой Москвѣ; о такомъ содержаніи ходатайства Каразина говоритъ и Н. Дубровинъ, основываясь на найденномъ имъ донесеніи Харьковскаго губернатора. Къ сожалѣнію, Н. Дубровинъ не напечаталъ всеподданѣйшаго доклада А. Х. Бенкендорфа, а только Высочайшую резолюцію, и мы теперь не можемъ съ точностью рѣшить, что было въ данномъ случаѣ: исказило ли министерство въ своей бумагѣ истинный смыслъ Высочайшей воли, или гр. Бенкендорфъ умолчалъ во всеподданѣйшемъ докладѣ о другой просьбѣ Каразина—разрѣшить иногда жить и въ Москвѣ.

[2]) Слова, напечатанныя курсивомъ, въ подлинникѣ подчеркнуты.

ство приуготовить сей для меня и моего семейства путь зависящимъ отъ него яко Начальника Губерніи посредствомъ, *на всякой случай*. Но какъ несчастныя мои тяжбы и долговые дѣла, (что и Его Сіятельству по Губернскому Правленію вѣдомо) все еще длятся, и какъ необходимо, чтобъ я въ лицѣ хозяина и отвѣтчика оставался еще здѣсь, то принося мою покорнѣйшую благодарность теперь за исходатайствованіе дозволенія, передъ тѣмъ, какъ имъ должно мнѣ будетъ воспользоваться, я обязанностію поставлю донести черезъ Земскій Судъ: о чемъ благоволено-бы было по сей же почтѣ довести до свѣденія Его Сіятельства. Василій Назэровъ с. Каразинъ [1]). Іюля 5-го дня 1835-го г. С-о Кручикъ» [1]).

Свое объясненіе В. Н. представилъ въ земскій судъ 6 іюля, и тогда же оно было направлено къ губернатору; но послѣдній только 3 августа сообщилъ въ министерство о невозможности для Каразина выѣхать немедленно. Между тѣмъ уже 8 августа губернаторомъ была получена отъ министра внутреннихъ дѣлъ бумага такого содержанія: «Не получивъ еще отзыва Вашего Сіятельства *на предписаніе* отъ 7-го іюня за № 195 по дѣлу ст. сов. Каразина, я прошу Васъ о доставленіи онаго» (т. е. отзыва). 10 августа губернаторъ вторично сообщилъ въ министерство о невозможности для Каразина выѣхать немедленно. На это донесеніе департаментъ полиціи отвѣтилъ слѣдующей бумагой отъ 17 октября 1835 г.: «Въ дополненіе къ донесенію 10 августа, департаментъ полиціи исполнительной проситъ Ваше Сіятельство доставить отзывъ о дѣйствительномъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія о стат. сов. Каразинѣ». Изъ этой переписки [2]) видно, что министерство внутреннихъ дѣлъ стояло на точкѣ зрѣнія неукоснительнаго, немедленнаго исполненія Высочайшаго разрѣшенія жить Каразину въ Московской губерніи. И такъ какъ В. Н. еще не успѣлъ ликвидировать своихъ дѣлъ въ Харьковской губ. и въ Харьковѣ, то понятно, въ какое безвыходное положеніе онъ былъ поставленъ этими настойчивыми предписаніями привести Высочайшую волю въ исполненіе. Къ чести Харьковскаго губернатора нужно отнести, что онъ не настаивалъ такъ упорно на выѣздѣ Василія Назаровича въ Московскую губ. и даже въ 3-й разъ сообщилъ въ департаментъ полиціи о невозможности немедленнаго выѣзда.

Въ концѣ 1835 года остатки имѣнія Каразина были описаны, а его было приказано удалить изъ Кручика, что и было приведено въ исполненіе Богодуховскимъ земскимъ исправникомъ. Въ январѣ 1836 года, какъ видно изъ донесенія того же исправника, обязаннаго сообщать

[1]) Дѣло Харьковскаго Губернатора 1835 г., л. 6.

[2]) Приведенная переписка находится въ дѣлѣ канцеляріи губернатора 1835 г.

о каждомъ шагѣ Каразина, Василій Назаровичъ выѣхалъ въ Харьковъ; губернаторомъ немедленно было предписано Харьковскому полиціймейстеру имѣть за Каразинымъ «строгій секретный надзоръ и о замѣченномъ доносить черезъ каждыя двѣ недѣли». Въ январѣ же 1836 г. отъ департамента полиціи губернаторъ получилъ запросъ, «дѣйствительно ли въ Харьковской губ. производятся тяжебныя дѣла Каразина и когда именно послѣдній предполагаетъ отправиться въ новое мѣсто пребыванія». Губернаторъ распорядился запросить Василія Назаровича черезъ Харьковскую полицію о томъ и другомъ и «потребовать отъ него письменное объясненіе для представленія онаго въ подлинникѣ министру». Какое впечатлѣніе произвелъ на Каразина этотъ запросъ, сдѣланный открыто, черезъ мѣстную полицію, видно изъ слѣдующаго любопытнѣйшаго «объясненія», поданнаго Василіемъ Назаровичемъ 2 февраля въ 3-й участокъ Харьковской полиціи [1]). [См. письмо от 2.II.1836г.])

«На сообщенное мнѣ сего 2-го числа предписаніе Его Сіятельства Господина Гражданскаго Губернатора, исправляющаго должность Военнаго, за № 41-мъ, честь имѣю отвѣтствовать, что дѣла мои по присутственнымъ мѣстамъ сей губерніи достаточно извѣстны Губернскому Правленію и временному отдѣленію онаго, на основаніи статьи 320-й второго тома Свода Законовъ (§ 3). Впрочемъ, въ слѣдствіе сдѣланнаго мнѣ запроса, долгомъ почитаю все происходившее касательно сего изложить исторически. Никогда Высочайшей воли не было мнѣ объявлено въ видѣ *повелѣнія* [2]), чтобъ я переѣхалъ въ Московскую губернію. (Я бы такое повелѣніе исполнилъ немедленно, не смотря ни на какія дѣла). Но самъ я, по собственному движенію, изъ разстройки имѣнія и способовъ къ жизни предусматривая необходимость помышлять о переселеніи въ Москву и тамошнее имѣніе жены и дѣтей, *какъ единственное остающееся для насъ убѣжище*, за нужное почелъ извѣстить объ етомъ Господина Губернатора. Чрезъ нѣсколько мѣсяцей я получилъ отзывъ, который не могъ меня порадовать ни формою, ни содержаніемъ. Уничижительно, открыто, чрезъ Земскій Судъ, мнѣ дано было знать, что я могу ѣхать въ Московскую губернію, но что *тамъ* я буду *отданъ подъ строжайшій надзоръ*: на каковой конецъ (вѣроятно, чтобы взять мѣры къ етому надзору) и долженъ я извѣстить о времени моего отсюда выѣзда. Столь мало привлекательная перспектива, естественно, должна была отнять у меня и у несчастной, со мною неразлучной жены, вся-

---

[1]) «Объясненіе» было подано «по секрету, для донесенія въ подлинникѣ Его Сіятельству» (Харьковскому губернатору).

[2]) Слова, напечатанныя курсивомъ, въ подлинникѣ подчеркнуты.

кую охоту къ переселенію, еслибъ только мы имѣли здѣсь уголъ, гдѣ подклонить голову. Но извѣстно начальству, что и послѣднія 131 ревизская душа изъ нашего — *прежде* благоустроеннаго, что и блаженной памяти Государю Императору было извѣстно, — села Кручика (въ Богодуховскомъ уѣздѣ) описаны, а въ описанномъ имѣніи Законъ не позволяетъ жить и даже въ него въѣзжать. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ это имѣніе будетъ (какъ и двѣ первыя его доли) продано за безцѣнокъ!... О еслибъ благонамѣренное, благодѣтельное Правительство ускорило на помощь мою займомъ подъ залогъ сего остатка моего имѣнія, хотя изъ банковыхъ университетскихъ суммъ, моимъ усердіемъ пріобрѣтенныхъ, пятидесяти тысячъ рублей, дѣло иное! Мы остались бы здѣсь въ прекрасномъ краю рожденія моего отца, моего и дѣтей моихъ. Но увы, въ противномъ случаѣ, не можемъ продолжать жить въ городѣ, какъ живемъ теперь, нанимая, покупая все, обременяя долгами и остающуюся Московскую собственность нашихъ *семерыхъ* дѣтей. По чему, невольно должно будетъ рѣшиться — бѣднаго старика, безвиннаго предъ небомъ и землею, незазорнаго гражданина и вѣрноподданнаго, обожавшаго своихъ Государей до забвенія приличій, съ ума сходившаго на отечественной чести, пожертвовавшаго ей отъ юности выгодами собственнаго честолюбія и состояніемъ, воспитавшаго и еще довоспитывающаго для нея сыновей не слишкомъ обыкновеннымъ образомъ по своему состоянію, старика, написавшаго своею рукою *предварительныя правила Народнаго Просвѣщенія* и Уставы русскихъ Академій и Университетовъ, годнаго еще быть употребленнымъ съ пользою гдѣ-нибудь попечителемъ учебнаго Округа или губернаторомъ, отдать на 64-мъ году его жизни, *подъ строжайшій надзоръ* — какъ подлаго пьяницу, злонамѣреннаго или бѣсноватаго!![1]) (Нѣтъ, не вѣрю! Не можетъ это быть собственною мыслію вели-

---

[1]) Въ «объясненіи» В. Н. Каразина весьма интереснымъ является заявленіе, что онъ «своею рукою написалъ «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія» и уставы русскихъ академій и университетовъ». Нужно сказать, что изслѣдованія историковъ русскаго образованія Сухомлинова и Рождественскаго не даютъ намъ указаній на такую именно роль Каразина въ организаціи народнаго просвѣщенія, а изслѣдователь исторіи средняго образованія Е. Шмидъ почти совсѣмъ отрицаетъ значеніе В. Н. Каразина въ составленіи «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія» (эти «правила» были утверждены 24 января 1803 г. и представляютъ серьезный и большой трудъ). Въ противоположность Н. Лавровскому, приписывавшему основныя идеи «Предварительныхъ правилъ» Каразину, Шмидъ ограничиваетъ его роль только редакціей «Правилъ», изготовленіемъ ихъ «въ слѣдствіе и по содержанію» приказаній главнаго правленія училищъ»; самое значительное вліяніе на «Правила» онъ приписываетъ проектамъ Фуса и Чарторыйскаго. («Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи», стр. 19, примѣч.). Упомянутое заявленіе В. Н. Каразина, однако, имѣетъ фактическую основу, хотя должно быть принято съ нѣкоторыми ограниченіями. Рождественскій въ своемъ трудѣ («Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія») говоритъ, что въ засѣданіи коммисіи объ училищахъ 4 октября 1802 года Каразину было

кодушнаго нашего Государя, которому я пѣлъ хвалы еще съ 1802-го года, ни Министра, котораго я знаю отъ его молодыхъ лѣтъ, ни даже Директора Департамента Полиціи Исполнительной, котораго совсѣмъ не знаю, и потому не могу ему причесть сего новаго настоянія, чтобы я ѣхалъ подъ *надзоръ*. Пусть надзираютъ; но на что объ этомъ публиковать, нарочно чтобъ оскорбить старика.

Въ облегченіе справокъ Начальства о моихъ дѣлахъ въ здѣшней губерніи, исчислю ихъ сокращенно:

1-е. Еще не кончено Богодуховскимъ Уѣзднымъ Судомъ (по предписанію Временнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія) постановленіе о моихъ долгахъ, включая и долги мнѣ соперника моего по тяжбѣ, Графа Подгоричани-Петровича. Отъ этого постановленія зависитъ продажа остатка моего недвижимаго имѣнія, упомянутыхъ выше 131-й ревизской души съ угольями. Оно, конечно, будетъ *(по прежнимъ примѣрамъ)* пристрастно въ пользу Графа и я долженъ буду аппелевать въ Гражданскую Палату.

2-е. Дѣло съ нимъ-же Подгоричани-Петровичемъ о бывшихъ у него въ залогѣ моихъ 180-ти ревизскихъ душахъ села Кручика, за которыя давно внесены остальныя деньги 24 тыс. рублей (кои и нынѣ лежатъ въ Приказѣ О. П.) и которыя утверждены за мною по сей причинѣ Сед-

поручено «приготовить общій планъ гимназій, согласивъ всѣ высказанныя мнѣнія» (стр. 59). Каразинъ въ теченіе недѣли исполнилъ это порученіе, и 11 октября комиссія уже обсуждала составленное имъ «Предначертаніе устава объ общественномъ воспитаніи», начавъ со статей о низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, «а въ слѣдующемъ засѣданіи, 18 октября, перейдя къ постановленіямъ объ университетахъ». «Въ этихъ же засѣданіяхъ, по словамъ Рождественскаго, вмѣстѣ съ проектомъ общаго плана, обсуждались выработанные особымъ комитетомъ проекты уставовъ и штатовъ Академіи Наукъ, Россійской академіи и Московскаго университета» (ibid., стр. 49—50). Въ составъ этого комитета входилъ въ качествѣ дѣлопроизводителя и В. Н. Каразинъ, причемъ онъ принималъ въ трудахъ комитета дѣятельное участіе (ibid., стр. 56). Сухомлиновъ сообщаетъ о дѣятельности Каразина въ комиссіи объ училищахъ (или главномъ правленіи училищъ) слѣдующее: «..Для того, чтобы дать университетамъ окончательное устройство въ связи со всѣми учебными заведеніями, приступлено къ разсмотрѣнію общаго плана народнаго воспитанія, который составленъ подъ руководствомъ комиссіи правителемъ дѣлъ ея В. Н. Каразинымъ и названъ предначертаніемъ устава о общественномъ воспитаніи. Обсужденіе общаго плана началось съ тѣхъ статей, которыя относятся до образованія университетовъ. Члены главнаго правленія училищъ признали нужнымъ составить проектъ общаго устава университетовъ, который могъ бы служить образцомъ для частныхъ, и положили: взявъ за основаніе предначертаніе университетскаго устава, составленное Каразинымъ, главу объ устройствѣ учебной части поручить Фусу, главу о внутреннемъ управленіи университета—Озерецковскому, главу объ управленіи училищъ Янковичу де-Миріево». (Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, т. I, стр. 59—60). Такимъ образомъ отрицательный взглядъ Шмида на дѣятельность В. Н. Каразина нужно считать крайнимъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительности; но съ другой стороны, и заявленіе Каразина можно принять съ оговоркою: его трудъ по организаціи народнаго образованія былъ раздѣленъ многими другими лицами, да и само «Предначертаніе» было составлено подъ руководствомъ комиссіи.

нымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената, но обратно отсуждены Общимъ Собраніемъ къ явному нарушенію Закона и самыхъ формъ, какъ-то 428-й статьи Государственныхъ Учрежденій. На счетъ чего ожидаемъ Высочайшаго разрѣшенія, по принесенной женою моею жалобѣ.

3-е. Ожидаемъ отсужденія кредиторамъ, частію уже завладѣвшимъ недвижимымъ моимъ имѣніемъ въ селѣ Кручикѣ, частію-жъ ожидающимъ его оцѣнки и продажи, какъ выше было упомянуто.

4-е. Ожидаемъ конца уголовнаго дѣла съ Графомъ и Графинею Подгоричани-Петровичами о злоупотребленіи ими помѣщичьей власти надъ моими крестьянами (изъ коихъ по оффиціальнымъ рапортамъ врачей одинадцать въ двѣ недѣли померло). Это дѣло *длилось* восемь лѣтъ. Нынѣ переходитъ въ уголовную палату по моей аппеляціи, ибо *я-же* обвиненъ Уѣзднымъ Судомъ.

5-е. Наоборотъ еще, я обвиненъ Графинею въ уголовномъ проступкѣ, а именно, въ сопротивленіи яко-бы Земскому Суду при вводѣ ея во владѣніе вышепоказаннымъ имѣніемъ. Слѣдствіе меня оправдало. Но уѣздный судъ, цѣлый годъ уже, не приступаетъ къ дѣлу: и я числюсь *подъ судомъ* вмѣстѣ съ моими дѣтьми, въ угодность сей женщинѣ, насъ разорившей и обезславившей.

6-е. Послѣ сего упоминать-ли *о искахъ* въ безчестьи меня, моего семейства и другихъ достойнѣйшихъ лицъ, *которые* Богодуховскій уѣздный судъ многіе годы оставляетъ безъ всякаго производства? Февраля 2-го дня 1836 года. Харьковъ, 3-й участокъ, домъ № 24 г-жи Шараповой.

(Это объясненіе «В. Н. Каразина, проникнутое чувствомъ негодованія по поводу уничижительнаго обращенія съ нимъ, а также глубокимъ сознаніемъ своихъ заслугъ, разумѣется, не было послано «въ подлинникѣ» министру, какъ первоначально предполагалъ губернаторъ; въ министерство лишь было сообщено о томъ, что Каразинъ не предвидитъ возможности скоро выѣхать изъ Харьковской губерніи, причемъ къ сообщенію были присоединены выписки изъ «объясненія» Каразина о его тяжебныхъ дѣлахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ предписалъ присутственнымъ мѣстамъ возможно скорѣе окончить эти дѣла. Послѣ того Каразинъ, повидимому, былъ оставленъ въ покоѣ: по крайней мѣрѣ, въ найденномъ нами дѣлѣ нѣтъ болѣе министерскихъ предписаній о выселеніи Василія Назаровича въ Московское имѣніе. Всѣ эти злоключенія Каразина закончились еще однимъ большимъ несчастьемъ: зимою 1836 года сгорѣлъ его домъ въ деревнѣ, а вмѣстѣ съ нимъ драгоцѣнная библіотека, въ которой было много рукописей и рѣдкихъ книгъ. Новый ударъ судьбы былъ слишкомъ тяж-

кимъ для Василія Назаровича: крестьяне с. Кручика даже связываютъ смерть Каразина съ гибелью его библіотеки [1]). «Я помню, разсказываетъ Г. П. Данилевскій, въ зимній бурный вечеръ, худого сѣдого старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, разсказывая о пожарѣ... Это былъ В. Н. Каразинъ».

Несчастья, однако, не сломили окончательно В. Н. Каразина. Будучи съ молодыхъ лѣтъ общественнымъ дѣятелемъ, онъ остался такимъ же и въ старости, до конца своей жизни. Не смотря на поставленныя ему преграды, онъ до самой смерти старался проводить въ жизнь свои взгляды, наблюденія и результаты научныхъ изысканій. Путь для этого у него оставался одинъ—печатное слово, которымъ В. Н. и пользовался съ удивительной для его лѣтъ энергіей. Достаточно сказать, что въ періодъ времени съ 1837 г. по 1842 г. онъ напечаталъ до 30 статей и замѣтокъ. Въ найденномъ нами дѣлѣ 1837 г. находятся четыре письма Василія Назаровича къ Харьковскому губернатору кн. П. И. Трубецкому, которыя характеризуютъ тогдашнія условія дѣятельности Каразина. Изъ писемъ видно, что онъ долженъ былъ посылать не только свои статьи, но и письма частнымъ лицамъ черезъ губернатора, который такимъ образомъ являлся цензоромъ трудовъ Василія Назаровича и могъ наложить veto на какую-нибудь изъ его статей. Слѣдуетъ добавить, что Каразину нужно было быть особенно осторожнымъ въ своихъ статьяхъ послѣ инцидента съ злополучнымъ № «Гражданина вѣрноподданнаго».

Первое письмо относится къ 27 марта 1837 года и написано въ Харьковѣ. Съ этимъ письмомъ, повидимому, была послана замѣтка о Периплѣ Арріана [2]). Вотъ оно:

«Милостивый Государь, князь Петръ Ивановичъ! На случай, если посылаемый мною въ Редакцію Одесскаго Вѣстника легкій разборъ принадлежитъ къ числу *бумагъ*, которыя разумѣются въ данной мною предмѣстнику Вашего Сіятельства Апрѣля въ 25-й день 1833-го года подпискѣ, подношу оный у сего въ открытомъ кувертѣ съ запискою для типографщика и вѣсовыми деньгами слѣдующими въ Почт-контору, покорнѣйше прося о приказаніи, запечатавъ, отослать въ нее вмѣстѣ въ прочимъ, имѣющимъ отправиться по сей почтѣ. Имѣю честь быть съ глубокимъ почитаніемъ Вашего Сіятельства, покорнѣйшій слуга: Василій Каразинъ. Марта 27, 1837, Х-въ».

---

[1]) Н. О. Тихій, В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Стр. 273.

[2]) Въ спискѣ сочиненій В. Н. Каразина, приведенномъ въ книгѣ г. Тихаго, подъ датой 27 марта 1837 года значится «Критика «Перипла Понта Евксинскаго» Арріана (письмо къ А. Г. Тройницкому)». Тройницкій былъ редакторомъ «Одесскаго Вѣстника».

(Второе письмо, съ сопровожденіемъ другой статьи Василія Назаровича, было послано губернатору черезъ 2 дня; написано оно въ Харьковѣ, какъ и первое. Какъ видно изъ содержанія письма и изъ черновика отношенія губернатора къ министру, статья касается вопроса о возстановленіи Филотехническаго Общества, тогда уже не существовавшаго, а также вопроса о вывозѣ за границу разныхъ продуктовъ южныхъ губерній. В. Н. Каразинъ просилъ направить свою статью въ «Современникъ» или въ «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ», но ни въ томъ, ни въ другомъ журналѣ за 1837 г. мы этой статьи не нашли. Повидимому, она по какимъ-либо причинамъ осталась ненапечатанной, хотя была послана съ первою же почтою министру внутр. дѣлъ.) Приводимъ письмо полностью:

«Милостивый Государь, князь Петръ Ивановичъ! Въ слѣдствіе причины, заставившей меня безпокоить Ваше Сіятельство письмомъ моимъ отъ 27-го с. м. долгомъ поставляю и другой кувертъ, адресуемый въ журналъ *Современникъ* препроводить на Ваше разсмотрѣніе. Признаюсь, что я желалъ-бы, чтобы моя піеса напечатана была въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но я не смѣю безпокоить Министра. Если же Вамъ, Милостивый Государь, благоугодно будетъ представить оную на сей конецъ Его Превосходительству, то я очень радъ буду!.. Можетъ статься ето подало бы поводъ бросить взглядъ сверху на возобновленіе прекраснаго учрежденія, единожды — мудрымъ и отлично *благонамѣреннымъ* Государемъ одобреннаго! Впрочемъ дѣло о вещи, не объ имени: первую строку заглавія можно выпустить при напечатаніи. Да почему и обществу не возобновится безъ всякаго ко мнѣ лично отношенія? Имѣю честь быть съ глубокимъ почитаніемъ Вашего Сіятельства, покорнѣйшій слуга: Василій Каразинъ. P. S. Послѣдніе *мною* доставленныя вѣсти о филотехническомъ обществѣ были: правившему должность Слободско-Украинскаго Губернатора, отъ 16-го Іюля 1826-го года. Тогда же отвѣтствовалъ я на запросъ по сему предмету Господъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Такъ все и остановилось».

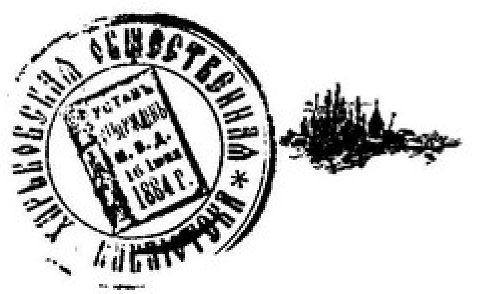
8 мая 1837 года Каразинъ просилъ письмомъ губернатора «просмотрѣть съ обыкновенною благосклонностью и отправить въ Редакцію журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія прилагаемый кувертъ»; при этомъ письмѣ была послана статья: «О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры», которая и была напечатана.) (См. Ж. М. Н. Пр. 1837 г., ч. XVI, стр. 687—691).

Четвертое письмо свидѣтельствуетъ о томъ, что и частная переписка Василія Назаровича проходила черезъ руки губернатора. 12 августа

1837 года Каразинъ писалъ губернатору: «Милостивый Государь, князь Петръ Ивановичъ! Въ слѣдствіе извѣстнаго уже Вашему Сіятельству моего предположенія сдѣлать опытъ торговли за море Алкоголемъ и другими эссенціями, я отправилъ маленькій мой транспортъ проселочною дорогою до Полтавы, куда и самъ поѣду для дальнѣйшаго по Одесскому тракту отправленія. Между тѣмъ я считаю нужнымъ предувѣдомить негоціанта, Г-на Кортацци: и письмо къ нему честь имѣю представить у сего на начальническое Ваше благоусмотрѣніе. Съ глубокимъ и совершеннымъ почтеніемъ пребываю Вашего Сіятельства покорный слуга Василій Каразинъ». Письмо къ Кортацци было отправлено черезъ Одесскаго градоначальника, который при этомъ былъ предупрежденъ о предстоящемъ пріѣздѣ поднадзорнаго Каразина.

Надзоръ былъ снятъ съ Василія Назаровича, повидимому, въ 1839 г., послѣ его письма къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ съ просьбою о заступничествѣ и объ исходатайствованіи помилованія. Свою просьбу о заступничествѣ онъ, между прочимъ, сопровождалъ выраженіемъ горячаго желанія быть поставленнымъ «въ положеніе не безполезное для службы царю и отечеству» [1]). Во всеподданѣйшемъ докладѣ по поводу этого письма гр. Бенкендорфъ выразилъ мнѣніе, что Каразинъ «уже по лѣтамъ своимъ не можетъ быть вреденъ», и Государь разрѣшилъ В. Н. въѣздъ во всѣ города, кромѣ столицъ [2]). Это, разумѣется, мало прибавило къ тому, чѣмъ фактически уже пользовался Василій Назаровичъ, и «вредному» человѣку, въ которомъ ни преклонные годы, ни удары судьбы, ни стѣснительныя условія не погасили пламеннаго желанія служить отечеству, оставалось искать утѣшенія только въ своей дѣятельности, въ своемъ служеніи родинѣ, не прекращавшемся до самой смерти.

Е. Ивановъ.

---

[1]) Н. Дубровинъ, Гр. А. Х. Бенкендофъ и В. Н. Каразинъ. Руск. Старина 1903, IV, стр. 25.

[2]) Ibid., стр. 25.